

Лидия Григорьева

Термитник new

*Роман в штрихах**

Путь в Париж

Военный переводчик Марат Сиразиев не любил тех, кому служил и кого обслуживал переводами со всех диалектов арабского на русский и французский. Элита, интеллеktуал, барский сынок с молодых ногтей, он хотел работать в Париже, в крайнем случае в ООН или ЮНЕСКО, а вот поди ж ты, влип, женившись не на дочке нужного человека, которую ему сватали, а на яркой красавице Ларисе, троечнице с факультета славянских языков, родом из казачьей станицы на Кубани. На их московской свадьбе шумная казацкая родня, все эти тети-дяди, братья-сестры, сватья и кумовья в подпитии шумным хором затянувшие «Розпрягайтэ, хлопци, конэй!» — ввергли в шок истеблишмент дипкорпуса, коллег и сотоваришей отца и деда ослепшего от любви жениха. А вот когда молодые поехали к ее родне в станицу, было уже поздно пить боржоми. Лариса родила. И он оставил ее «батькам», чтобы помогли выходить якобы недоношенного семимесячного сына. Эти семь месяцев его и насторожили. Для недоношенного их младенец был слишком большим и здоровым. И сомнения в отцовстве изгрызли душу молодого дипломата. Дом в станице оказался приземистым и небольшим. Но рядом с ним уже поднялись под крышу стены нового дома, строящегося на валюту, заработанную Маратом в его первых заграничных командировках. По двору важно ходили гусак с гусынями да петух с хохлатками.

Посмотрел Марат на это хозяйство из окна своего мерседеса, да и газанул до Краснодара, а там — до Москвы без оглядки. Только его и видели. Видели-видели потом в парткоме, уже на излете советской системы, где с него успели снять стружку за развод и в наказание отправили на службу в нищую арабскую страну, где жили не народы, а племена, тысячелетиями воюющие между собой. «Это же не люди, а зверьки! Они ничего не знают и не умеют — только убивать», — с тоской думал молодой

Григорьева Лидия Николаевна — поэт, эссеист и фотохудожник. Родилась в 1945 году на хуторе Лысый Новосветловского района (ныне село Лысое Краснодонского района Луганской области). Печаталась в журналах «Звезда», «Дружба народов», «Новый мир» и др. Автор многих поэтических книг и романов в стихах, в т.ч. «Небожитель» (2007), «Сновидение в саду» (2010), «Вечная тема» (2013), «Русская жена английского джентльмена» (2017). Живет в Лондоне.

* Журнальный вариант

военный специалист и блестящий переводчик, совершая намаз в полуразрушенной мечети на окраине пустыни. Хотя где у пустыни окраина, а где начало, один только Бог знает.

Того, что он принял ислам, не знали даже родители. Не знали они и того, что он уже год как был в плену. Но не у этих полудиких племен, а в плену любви к дочери местного шейха. И пустыня его сердца заросла новыми цветами — в основном опийными маками. Вот и его самого словно опиум опои. После свадьбы шейх отправил их в Париж, где молодая жена должна была закончить магистратуру в Сорбонне и где ее отец подарил молодым совсем небольшой дворец рядом с Булонским лесом.

Кафе Concerto

И она стала сниматься в дорогой подростковой рекламе магазина Burburian. Ну, это там, где все детские модели похожи на жертв взрослого насилия. Жертвы педофилов. Бледные. С черными кругами под глазами. Словно наркоманят потихоньку в результате пережитого стресса. Вот защитники ЗОЖ и вышли на Пикадилли с плакатами: «Долой Варваров!» «Защитим детей от взрослых!»

И Катин друг туда же! Чудик этот Джон. Зожист заядлый. Не пей это, не ешь то. Хорошо, что просто друг.

Сама по себе Катя была девочка здоровая и веселая. На хорошем счету в своем лондонском колледже искусств. А вот портфолио у нее состояло из кровавых ужастиков: друзья-приколисты охотно снимались в ее mini-movie. Понарошку убивали и расчленили, охотно падали, измазанные кровавым томатным соком, строили жуткие рожи и хохотали до упаду за кадром. На эти учебные съемки она и зарабатывала себе деньги вызывающей возмущение рекламой. И заняла первое место в конкурсе студенческих работ.

И тут же, как по маслу, ей позвонили и предложили встретиться со «взрослым» режиссером. Место она выбрала сама. В кафе CONCERTO на Риджен-стрит. Любила сладкое. А там самые-самые вкусные пирожные. Итальянцы, сэр! В самой Англии с этим напряженка. Исторически невкусные сладости. Хотя можно было милостиво назвать это своеобразием островного вкуса.

Дядька оказался совсем престарелый, явно за сорок. Модная лысина лоснилась, как лакированная. Очки-хамелеоны бликовали, реагируя на солнечный свет, и поэтому надежно закрывали глаза. И что еще поразило Катю — русский! Этого еще не хватало. И ладони протянул, как в доковидные времена. А они оказались влажные и липкие. И Катя, извинившись, сбежала вниз по лестнице в туалетную комнату, чтобы вымыть руки. По пути обдумала ситуацию, позвонила Джону и сказала, что ждет его. Срочно. Пока она бегала, забыла, как зовут ее интересанта. Отвыкла от русской привычки отягочать имя отчеством. Во! Абдулалиевич, вспомнила! А firstname как ветром из головы выдуло. Ну, ладно. Карточку даст, если по делу. А если просто так... дальше она испугалась даже думать...

Этот... вспомнила имя из русской сказки... Руслан... Абдулалиевич листал в планшете ее портфолио. А что там листать-то особенного. Не наработала еще. Но знала, что сумеет и сделает. Ну, если выживет и доживет. Вот и этот, как она четко поняла, вспомнив его вспотевшие ладони, лысый русский хамелеон, туда же. Сейчас в гостиницу позовет «договор подписывать».

«Твою маму зовут Лариса, да ведь? — неожиданно спросил дядька. — И тебе скоро шестнадцать, верно?» «Ну, вы еще скажите теперь, что вы мой папа!» — пошутила Катя. «Я оплачу твои проекты, — сказал этот странный взрослый. — И маме не говори, что мы виделись. А талант у тебя от меня», — добавил он и вышел, заплатив за дорожные, недоступные студентам пирожные, которые они потом с прибежавшим на выручку запыхавшимся Джоном с аппетитом съели. В полном молчании, следует отметить. Джон, как всегда, ни о чем ее не спросил. А обычно смешливая Катя словно бы не заметила, что он теперь ест вкусное и жирное, как все люди, а не как упертый зожист.

«Знаешь, Джон, — прервала вдруг молчание Катя, — а ведь мама у меня — гений! Это уже пятый мой папа...»

Псалмы могильщика

«Могильщик пел вместе со мной. Он знал католическую службу. Он так обалдел от моего заупокойного пения, что заплакал. Думала, слезы у него от ветра, оказалось, что от молитв. Пела я и на латинском, и на нашем церковном. Униаты мы, у нас и то, и то в почете. Слышу, подпевает. Хотя ведь привык хоронить. А сердце не окаменело. Жаль, плохо английский знаю, не смогла с ним поговорить. Но общий язык мы нашли. Он и без слов понял все, когда я стопку водкой наполнила, накрыла кусочком хлеба и поставила на надгробие, как у нас в народе принято. Это не так, как у иудеев: камень нужно на могилку класть, — так мне в Иерусалиме сказали. У нас с языческих времен мертвых кормят, потому что не верят в смерть, наверное. Могильщик потом и выпил со мной, и пирожком закусил, не побрезговал, хоть и местный. Он ведь и не могильщик вовсе, по большому счету. Смотритель этого закрытого кладбища. Скучно ему тут, это я и без слов поняла. Когда пришла, номер могилы ему показала от руки написанный. Он и потащился за мной, прихрамывая, аж на самый дальний край. Тут и был похоронен мой Володя, старший сын. Его не просто машина сбита. Его сначала впечатало в стенку дома, а потом, вторым заходом, нанизало на железные штыри ограды полуподвальной квартиры, каких много в центре Лондона. Сама теперь это видела. Ходили мы туда, где мой сын искал работу, а нашел свою смерть. Женщина, немолодая уже, а туда же, за руль. Сказали, что она со стоянки возле английского храма вместо на газ нажать, включила заднюю передачу, и на огромной скорости задний ход дала. А он просто на тротуаре стоял, у заборчика этого со штырями, острыми, как копыя. Сын с автобусом туристическим приехал да и остался в Лондоне нелегально. Тогда многие так делали. С Украины мы, из Мукачево. Никакой работы там давно уже не стало. Вот только сейчас, почти через десять лет, смогла добраться до него. Его тогда церковь английская похоронила, возле которой это случилось. А у меня ни паспорта зарубежного, ни денег. Но младший подросток. Поработал в Польше, теперь это свободно. Купил мне всё: и паспорт венгерский — дед у меня был венгр, и билет. И сам со мной поехал. Вот он идет. Ходил за цветами, чтоб посадить. Этот наш могильщик, что пел псалмы со мной, сказал ему, поливать их будет. Хорошо тут у вас. Кладбища зеленые, прибранные. Ухаживать не хочется...»

Пуанты

Что нашли в кармане у арестованного? Кружевной носовой платок с инициалами убиенной. Она лежала тут же в комнате, на ковре, неловко подвернув ногу под себя в позе, которая показалась судмедэксперту анатомически невозможной. «Она балерина. Известная, — сказала соседка, вызванная в качестве понятой. — Да эти балетные и не так ноги за голову забросить могут!» — добавила неприязненно. Юноша, почти мальчик, не мог стоять, его шатало и трясло. И оперативники разрешили ему сесть. Он и сел — мимо стула. Подхватить не успели. Ударился затылком о край старинного резного комода и потерял сознание. «Кто это?» — спросили соседку. «Она говорила, что племянник. Он часто приходил. А в последние несколько дней, похоже, что и ночевал тут. Выходил рано утром, еще до зари, выгуливал ее собачку. И вот именно вчера утром он нечаянно уронил поводок, и эта балованная такса Клякса — так ее звали, сбежала от мальчишки. Зря вы его подозреваете. Он очень нежный. Знаете, он даже плакал, когда собачка убежала. Я в окно видела, рано встаю. То ли ее жалел, то ли себя, потому что Инга эта Воронина никого не любила, кроме таксы». Понятая подписала протокол осмотра и ушла. Судебный врач сунул мальчишке под нос нашатырь и привел в чувство этого нежного подозреваемого в убийстве с отягчающими. Бригада уехала. И труп, и преступника увезли. Дверь опечатали. Квартира словно оглохла от внезапной тишины. И могло показаться, что мебель и вещи облегченно вздохнули после пережитого шока. Потому что в тишине стали слышны вздохи, скрипы и даже чьи-то сдавленные рыдания. Со всей очевидностью закрипели дверцы огромного старинного шкапа, и оттуда буквально вывалился довольно большой упитанный мужчина. Он с грохотом упал на голый паркет, ведь ковер увезли вместе с балериной и пятнами крови как главный вещдок.

Соседка снизу, та самая, что была понятой, услышав шум в опечатанной квартире, тут же позвонила участковому, благо он жил в том же доме. Печать на двери оказалась нетронутой, но из-за двери слышались странные, клокочущие звуки. Это рыдал отец нежного мальчика, обнимая пуанты Инги Ворониной. Он так и выпал с ними в обнимку. Да, убил, в страшном гневе, потом струсил и спрятался, когда услышал скрежет ключа в замке. И теперь он оплакивал и жалел и убитую им балерину-педофилку, и жалкого, глупого своего мальчишку, и самого себя — в первую очередь.

Полнолуние

Искали. Искали. А найти так и не смогли. Все знали, что он любил ездить на рыбалку в дальнюю тихую заводь именно в полнолуние. Всегда один. Остановить его было невозможно. Да и некому. Большой начальник в военном ведомстве, он мог так распределить дела, так расставить по важным точкам ведомства преданных ему подчиненных, ждущих за верность повышения по службе, что в ночь полнолуния мог отключить спутниковую связь и исчезнуть с горизонта без особых последствий.

За ним стеной стояла военная династия: отец и братья — высший офицерский состав, если что. А что — «что»? То, что он с детства был полнолунным лунатиком, семья не просто скрывала от посторонних. Даже от жен! Не говоря уж о родне и

сослуживцах. Это был родственный заговор во имя продвижения семейного клана на высокие этажи госструктур.

Но даже семья не знала всей правды. Не знала, насколько все сложно и непредсказуемо в душевных глубинах их сына и брата. Настоящий «оборотень в погонах», — он видел себя в полнолунных видениях то матерым волком, то хитрым лисом, то зайцем русаком, за которым гонятся именно эти лисы и волки. То клыкастым диким вепрем, то гордым самцом-оленем в пору гона, забившим копытами соперника. Как потом оказалось, начальника соседнего отдела, на должность которого сам когда-то претендовал. Да так ведь и занял эту должность после внезапной смерти нестарого еще генерала, лоб которого на похоронах был покрыт широкой лентой с изречением из Писания, закрывшей глубокую вмятину во лбу, странно напоминающую по форме след копыта.

В ночь исчезновения полнолуние было особым: невероятная красная суперлуна. Такая бывает раз в столетие. Об этом астрономическом событии уже много дней истерически трюндели все мировые СМИ. Как ни прячься, а шило в мешке не утаишь. Запоздалый рыбак видел странное и списал потом это видение на паленую водку, купленную на станции Пузыри. Он видел, как высокий, совершенно обнаженный человек... шёл по воде! Огромная красная луна словно катилась перед ним, расстилая по озерной воде багровую ковровую дорожку, четко видную на ровной темной заводи реликтового озера, где по ночам ловились крупные шуки, жерехи и пудовые сомы! И случилось непоправимое: рыбак испуганно завопил, и голый, которому до другого берега оставалось рукой подать, вдруг словно оступился, развернулся всем телом, сделал шаг назад и внезапно провалился в черную водяную, безлунную бездну. И исчез навсегда с пьяных глаз единственного очевидца, которого никто никогда не нашел бы, не разболтай тот на весь лесной поселок о своем видении.

Об этой заводи на озере знал только младший брат лунатика. Но он в это время был в командировке в Сирии, в зоне боевых действий. Вернулся в Россию зимой. Стояли крещенские морозы. Озеро было покрыто льдом. И все же поисковая группа военных специалистов-разведчиков нашла кое-что в глубоком сугробе под заснеженными ивами.

Это был тщательно сложенный генеральский мундир и прочие личные вещи, совершенно задубевшие на морозе. Важная находка для сверхзасекреченного военного ведомства. Нашли там и записку: «Сегодня видел себя рыбой. Не распознал, какой именно, но большой и глубоководной, это точно. Ну... я пошёл...»

Военные начальники с облегчением вздохнули: значит, не сбежал на Запад, значит, не выкрала его иностранная разведка. Утонул и ладно. Лишь бы секреты своего лунатического хождения по воде не продал и никому не выдал.

Но главное, что пьющего рыбака под это дело выпустили из психушки, где он долечивал свой хронический алкоголизм. Сочли его вполне здоровым.

Измена

Что ж она даже сейчас, на расстоянии лет и зим, да и на реальном дальнестоянии в разных городах и даже странах боится поставить под его постом смайлик с воздушным поцелуем: а вдруг догадается, как он ей нравился когда-то, и как не заметил этого тогда. Всю ту давнюю, светлую, белую ночь она не спала в палатке, ворочаясь с непривычки в спальном мешке на каком-то многолюдном выездном музыкальном

фестивале, где почти все участники по молодости лет расселились в брезентовых палатках. Только организаторам хватило места в деревянных домиках автомобильного лесного кемпинга. Остальной народ как бы «рылом не вышел», да и привыкли студенты довольствоваться малым.

Он, конечно же, был из организаторов. Высок, статен, кудри до плеч. Не на много их всех старше, а уже доцент кафедры музыковедения. Но это если официально. А вне официоза он был едва ли не первым историком русского рока. Был вхож во все подвалы и кочегарки, бывшие для многих фанатов недоступными таинственными кумирнями, где рождались сводящие их с ума звуки и тексты! А вот он — Вячеслав Пожидаев — дружил почти со всеми этими полуподпольными молодежными кумирами. И даже прочел о них доклад на конференции, подумать только, в консерватории! Его даже вызвали после этого «куда надо» и тормознули защиту докторской.

Жанна знала, что с женой он недавно развелся. И влюбилась по уши! В женатого бы не смогла. Было для нее такое внутреннее табу — чужого ничего не брать, детей не сиротить.

А вся сложность ситуации заключалась в том, что Жанна на этом музыкальном съезде была не одна, а с Женькой Колокольцевым, в которого была тоже вполне себе влюблена. И сходила с ума от волнения и страсти, когда видела его на сцене с саксофоном или фаготом. У нее с ним уже давно были и страстные ночи, и размолвки, и даже драки под парами алкоголя с дальнейшими слезами любовного примирения. Короче, молодая и бешеная любовь. И вот теперь нежданно-негаданно ее раздирало на части стыдное и тайное чувство, неодолимая тяга к этому взрослому и чужому человеку. Стыдно теперь вспоминать, как она не пошла тогда на концерт Женькиной группы «Колокольня» под предлогом плохого самочувствия в критические дни, а тайком просочилась в кинозал кемпинга, чтобы послушать доклад Вячеслава Пожидаева о рок музыке «Не кочегары и не плотники». Всё бесполезно. Она была песчинкой в ведре с песком, то есть в битком набитом кинозале. Оставалось выделиться и задать ему умный вопрос. Но времени не хватило, встречу свернули, и она ринулась к сцене, чтобы задать вопрос напрямую, как тут же перехватила взгляд своего кумира, направленный на совсем юную первокурсницу в светлых кудряшках. И едва заметный кивок в ее сторону, дескать, жду на выходе, как договорились. Все было понятно без слов.

И ожог стыда Жанна запомнила на всю жизнь. Она показалась себе тяжеловесной и старой навязчивой «коровой» рядом с этим юным расцветающим бутонем. Девчужке едва ли было восемнадцать, а Жанна давно перешла двадцатилетний рубеж. Эту смешную для взрослых и пожилых разницу в годах в юности многие ощущают как предел своих возможностей. Вернулась она в палатку под проливным дождем, соврав Женьке, что все же постояла и даже попрыгала со всей толпой у них на концерте. Поздно пришла, места под навесом ей уже не хватило, вот и промокла вся до нитки. Он обнимал ее, целовал, согревал своим голым телом в спальном мешке. Но ей впервые было с ним ни хорошо, ни плохо. Она, к ужасу своему, ничего не чувствовала. И потом долго болела ангиной. И главное наказание, которое она понесла за свою, как она всерьез считала, измену, — у нее надолго пропал ее дивный голос. И ей пришлось уйти из консерватории.

В большую музыку ее все же со временем вернул конкурс вокалистов в Кардиффе, где когда-то взял первый приз сам Дмитрий Хворостовский. Старт ее был стремительным. Она легко взлетела на самую вершину оперного Олимпа. И вот теперь, не смешно ли, оперная дива Жанна Новгородцева робеет и смущается, когда

читает пространные посты профессора Пожидаева о ней же самой. В одном тексте он написал, что был в Милане и Зальцбурге на ее триумфальных выступлениях. Но не рискнул к ней подойти, чтобы лично выразить свой восторг и поклонение.

Как жаль, что они лично не знакомы!

И вот тут уже звездная дива, слегка улыбнувшись, поставила-таки кокетливый, победный смайлик под этим его, что греха таить, любовным признанием.

Долговременная огневая точка

Она никогда не понимала, зачем люди гуляют. Ей казалось это пустой тратой времени. Одно дело куда-то идти: в школу, на работу, в музей, на концерт — да хоть куда, но с тем, чтобы там, куда идешь, было нечто нужное и важное для тебя. А еще лучше гулять пешком не одному или одной, а с подругой, другом или компанией. В общем, просто так гулять она не умела. Да и не хотела, к тому же, предпочитая малоподвижный, созерцательный образ жизни, замешенный на увлечении восточной философией.

И вот сейчас здесь, в этой чужой стране, на отшибе жизни, где она нечаянно оказалась, ее одинокие прогулки стали еще более мучительными, потому что казались ей бессмысленными. Никто не принуждает, но не сидеть же дома в одиночестве, пока муж на работе. Гулять приходилось по узким «публичным дорожкам», петляющим между живыми изгородями частных лужаек, часто размером с футбольное поле, и белой лошадьей, маячившей вдаль, понуро скучающей в таком же, как и она, одиночестве. Окрестные леса тоже были частными владениями, и гулять по ним посторонним не рекомендовали яркие таблички, прикрепленные к оградительным бетонным столбикам. Развлечь себя во время такой прогулки совершенно нечем. В частные владения, где за высокими, красиво подстриженными живыми изгородями таились, как она знала, волшебные ландшафтные сады, вход посторонним не то чтобы был воспрещен, а опять же — не рекомендован советом народных депутатов этого южно-английского графства. Изредка вдоль дорожки виднелись странные, вросшие в землю, замшелые будки. Это, как ей сказал муж, были железобетонные доты времен Второй мировой войны. Здесь, на юге Англии, проходила вторая линия обороны, и на случай прорыва вражеской немецкой армии тут были врыты в землю и закамуфлированы растительностью эти многочисленные долговременные огневые точки. Но эта тема — уже мужская территория. Если еще учесть, что их сын и сейчас почти на передовой: ушел служить в советскую армию, оказался сейчас в российской, хотя никто еще толком не понял, что это такое. А она вот тут гуляет по английским публичным дорожкам от скуки и тоски, видите ли, от нечего делать заглядывая в пустующие, совсем не страшные доты. К удивлению, она не обнаружила там ни мусора, ни прочих следов человеческой жизнедеятельности. Никому и в голову не пришло сделать из этого исторического хлама туалет, к примеру. Вторая мировая для англичан — святыня, храм. Но зато в одном из дотов жила настоящая живая корова! Она даже глазам своим не поверила! Оказалось, что клочок общественной, отчужденной от собственников земли позволял хозяину выгуливать здесь это редкое для многих англичан животное. Тут давно забыли, откуда молоко берется. Последняя ферма в этом южном графстве закрылась много лет назад. А вот хозяин, похоже, был невидимкой. Она ни разу не встретила его. Вроде бы и не надо. Ан, не скажи...

Увидела его однажды на закате, как раз во время вечерней дойки. Ей почему-то с самого начала казалось, что хозяин — мужчина, но что он сам будет доить, ей и в голову прийти не могло. Он, ничуть не смущаясь, привстал с корточек, пропуская ее вперед на узкой дорожке. И его нежное мальчишеское: «Хеллооу! — Найс ту мит ю!» — вдруг пронзило ей сердце острой болью, и она словно очнулась от долгого, наколдованного кем-то сна. Этот парень был поразительно похож на ее сына, который сейчас, как она знала, ехал последним воинским эшелоном из Самарканда в Москву. Страна, в которой родился и вырос ее сын, на глазах стремительно разрушалась. Армия не то чтобы бежала с позором, просто офицеры, предчувствуя полный развал, вывозили семьи. А заодно и мебель, и все, что могли вместить воинские теплушки. Молодой лейтенант Борис Вахромеев с небольшой командой сопровождал этот эшелон, потому что на железных дорогах уже начались грабежи и беспорядки. Укол стыда за свое безбедное и беспечное существование вдали от родной земли был таким сильным, что она побледнела и пошатнулась. Нашла от чего грустить.

Это тебе не под пулями гулять, пригибаясь! Домой, домой! — колотилось сердце. В Москву, в Москву! Там и сына можно успеть встретить и накормить. И семьи офицерские с детьми разместить в своей большой московской квартире. А муж... Что муж? Не маленький. Обойдется и без нее, раз нашел тут для себя такую интересную работу. Вины его в этом нет. Но и ей не все равно, где и почему она должна приносить себя в жертву двум любимым мужчинам — мужу и сыну. Богу виднее, где мы нужнее! — как сказал ей однажды на исповеди один монах.

— Вам плохо? — спросил ее английский юноша с золотыми, как у сына, волосами.

— Нет. Мне уже хорошо. А корова у вас красивая — со звездой во лбу. У меня такая же была в детстве.

Чашка чая

Он разбил любимую чашку. И его тут же разбил инсульт. Говорила же мама: никогда не мой посуду, для этого жена имеется. Но ему очень хотелось есть. Вышел на кухню, а там, как всегда, вся посуда грязная, чаю не попьешь. А жена спит и в ус не дует. В полном смысле. Потому что у нее давно появились темные усики над верхней губой, как у ее бабушки-ассирийки. Видел же, когда женился, ее родню. Думать надо было! А сейчас поздно. Язык во рту окаменел, позвать жену он не мог. Его резко качнуло, и он намеренно упал боком на гору посуды в раковине. Тарелки соскользнули на пол и загремели, но разбудили только любимую охотничью собаку. Она заскреблась в дверь кухни, а потом громко залаяла, чего с ней в доме никогда не бывало. На этот лай и приползла его тучная, заспанная жена и вызвала скорую.

Скорая приехала не скоро. После долгого лечения, он уехал в военный санаторий в Пятигорск. Там физиотерапевты научили его ходить заново и не ходить под себя. Дома он теперь мог вполне нормально держать в левой руке чашку с чаем. Правая осталась в норме. И хорошо, что речь не восстановилась. А то бы он высказал наконец-то жене все, что накопилось за многие годы. Напомнил бы, как не спал ночами, меняя мокрые пеленки сыновьям. А потом шел, усталый и сонный, дежурить на сутки в ракетный бункер, подвергая опасности весь, без преувеличения, подлунный мир.

Как в девяностые, имея за плечами два военно-технических образования, ездил на жалких «Жигулях» за товаром к ее ассирийской родне на юг России. И сам же

потом перепродавал в Лужниках. Это когда им зарплаты по три месяца не платили. Когда полк их расформировали и всех специалистов ракетчиков в отстойники нового капитализма отправили. И что бы жена сказала ему в ответ на это? Жалко, он только онемел, а не оглох и не ослеп. При чем тут Ельцин со своим Гайдаром? Многое от семьи зависит. Иная жена из его блестящего ума извлекла бы, без малого, академические дивиденды. И пусть бы у него теперь не было ни торговой фирмы, ни капитала на Кипре, который однажды чуть не обнулили кипрские же власти, а были бы генеральские погоны и творческие технические разработки в ракетной области.

Какая все-таки жалость, что думать и вспоминать после инсульта он не перестал. Жизнь его остановилась не сейчас, когда разбилась его любимая фарфоровая чашка, а тогда, когда женился не по любви, а из благородства — по залёту. Сыновья, конечно, красавцы. Но в мозгах одни монеты. Может, и неплохо это. «Мать прокормят, когда меня не станет», — подумал он и уронил на белый пушистый ковер большую небьющуюся чашку с чаем, купленную взамен прежней слишком уж экономной женой.

Из жизни троллей

Оставшись без работы задолго до пандемии, Олег Садовников перешел на дистанционное обслуживание некоторых полуофициальных сайтов, устроившись работать там троллем по обслуживанию интересов заказчика в социальных сетях. Его компьютерный талант оценили и монетизировали невидимые виртуальные хозяева. И он за пару лет прилично заработал и вложил деньги в элитное жилье, ибо после развода с Полиной остался практически «без порток». Он знал, что помешательство его бывшей жены на здоровом образе жизни, агрессивное вегетарианство, отвратившее от нее нескольких мужей и возлюбленных, предполагает полное отсутствие интернета и спутниковой связи. Только простой кнопочный телефон без геолокации. Но где она сейчас, он мог легко догадаться: в их первой испанской квартирке на побережье Андалусии, отошедшей ей по суду. Ее страсть к бегу на марафонские дистанции по твердой песочной полосе бесконечного пляжа, что может быть привлекательнее для этого безумия под ужасной для слуха нормальных людей аббревиатурой ЗОЖ! И Олег с удовольствием создал в инстаграме, фейсбуке и телеграмм канале сразу несколько заказных ложных аккаунтов на имя Полины Градской. Все равно она его не увидит. А ему это нужно для работы. У него заказ. Потом, когда шум в сети поднимется, что Градская — «штучка гадская» — и пьет, и наркоманит, она уж точно никого не заманит в свои сети. Он догадывался, что анонимный заказ поступил от жены нового хахала Полины. Ну, значит, заслужила. Ему ли не знать.

И никому не надо знать, как он длительно и безуспешно лечился от импотенции после долгого, разорительного развода, пока случайно не встретил на своей же лестничной площадке рыжую Люсю, медсестру, работавшую сиделкой у соседа-писателя, которого полгода назад разбил инсульт. Люся возилась у соседской двери с большой связкой ключей, он вышел на шум, решил ей помочь. А в результате помогла ему она: полюбила, обогрела, накормила и вернула ему мужскую силу. Может, тестостероновые таблетки помогли, а может, просто любовь и забота с жареным мясом впридачу, ну очень вредным для здоровья, согласно, будь оно неладно, этому новомодному ЗОЖ.

И пусть эта его бывшая бегаёт теперь сколько хочет, пусть не ест ничего съедобного и морит голодом очередного сожителя. Ему хорошо и уютно с рыжей Люсей. А уж той-то как подфартило: переехала к любовнику, и клиент рядом, в соседней квартире, не нужно время на дорогу тратить, в подмосковных электричках трястись! Так что этот ужасный ЗОЖ и ей пошел на пользу: подарил заморыша, а на выходе очень даже ничего из себя мужичок получился. Вполне пригодный для улучшения демографической ситуации в стране. А тролль он или не тролль, главное, нас с ним теперь не тронь!

Пойми меня

В перестройку, но еще до перестрелки, их вечерняя газета набрала невиданную популярность в городе, где жителей было давно уже больше миллиона. Газету выписывали, ее покупали. Журналисты вели смелые расследования и с дерзостью, невиданной доселе, разоблачали темные пятна сталинизма-коммунизма. А все потому, что незадолго до этого газетного бума к ним пришел новый молодой редактор. Как с луны свалился! Аня просто ослепла от его рубашек и правда ослепительной белизны. Одет был всегда с иголки. Никаких тебе джинсов-самостроков, других тогда и не было, и растянутых свитеров, как на прочей журналистской братии. Только пиджаки, галстуки, брюки со стрелкой, идеальная обувь. Хоть на обложку модного журнала. До глянцевого тогда еще дело не дошло. Никаких «Плейбоев» на русском в киосках и в помине не было. Ну и влюбилась. И показалось, что впервые. Что с того, что давно была замужем за своей первой школьной любовью, и сын подрастал, скоро десять. Что толку... Оказалось, что любовный трепет, а скорее даже, горячка, обходила ее стороной все эти годы. Первое, что сделала, купила раскладной диван для мужа и отселила его на ночь в маленькую комнатку без окон: храпит, дескать, не дает ей выспаться. Старинные дома в центре города строились еще до первой мировой — с высокими потолками, черным ходом для кухарки и комнаткой для прислуги. Аня и родилась, и выросла в этой квартире. Отец, главный инженер номерного завода, смог получить служебное жилье, где и жил в одиночестве после смерти Аниной матери. И оставил им это родовое гнездо с веселыми словами: «Плодитесь и размножайтесь!» Размножаться Ане расхотелось после первых же ранних родов. Ее узкие бедра долго не выпускали в мир крупного младенца, он едва не задохнулся, родился с асфиксией, и потом заметно отставал от других детей в развитии. Родители мужа забрали малыша в свой старый бревенчатый дом в пригороде, да так и не захотели с ним расставаться. Получается, что все у Ани было хорошо аж с младых ногтей. Но, как оказалось, не было любви. У неё даже температура поднималась, жар бросался в голову, когда новый редактор вел утренние и вечерние летучки. И вокруг буквально все его обожали, горели перестроечным энтузиазмом и болели разоблачительным рвением. И муж Никита готов был дежурить по экстренным выпускам и день, и ночь. В каморку возвращаться ему не очень-то хотелось. Но «романчик завить» с молоденькими практикантками, смотрящими ему в рот, ведь он был признанное «золотое перо» вечерки, ему и в голову не приходило. Прикипел к своей Ане чуть не с первого класса. Да и работа накрыла его с головой. А его Аня чуть не умерла от нахлынувшего на нее восторга, когда узнала, что главный берет ее с собой в командировку на север области, где на большом химкомбинате рабочие выгнали директора и парторга и теперь выбирают «своего парня». Это было еще в новинку, огромную страну лихорадило,

но горячка распада еще не накрыла ее от края и до края. И вот ночью в гостинице ополоумевшая от гормональной атаки Аня пришла к нему в номер. День был трудным, комбинат бурлил, неостановимое производство было под угрозой полного коллапса. И Аня с редактором до седьмого пота опрашивали, записывали и посылали срочные телексы и факсы в редакцию. Вернулись почти в полночь. После душа Аня все же влезла в джинсы, натянула короткую футболочку и, не осознавая зачем и куда идет, без стука вошла в его номер. Как в полубреду или в тумане. Он только что вышел из ванной в полотенце, обернутом вокруг бедер, и был хорош собой, как греческий бог. Почти не удивился и сказал: «Ты все-таки очень похожа на мальчика. Но как мне жаль, что ты не мальчик... пойми меня правильно...»

«Пойми меня, пойми меня...» Эту фразу он повторял и потом в карете скорой помощи, когда отвозил потерявшую сознание Аню в местную больницу. Врачи констатировали невиданной скачок давления. И диву давались, как помолодели инсульты и инфаркты в эти непростые для всей страны времена.

Чемодан без ручки

Любить — не баклуши бить. Это труд. И порою нелегкий. Ведь нужно уметь полюбить не только его, но и его родственников, а они тебе неприятны. Школьных и студенческих друзей, а они тебе безразличны. Его деревенское детство у бабушки с отцовской стороны, которая кормила его одной картошкой и довела до рахита. Оттого у него и голова большая для такого худощавого тела. Посочувствовать его первым любовным потрясениям во втором или третьем классе школы. Возненавидеть вместе с ним девицу, бросившую его на третьем курсе университета. Скрывая отвращение, переварить историю потери мальчишеской невинности с подругой его матери, неопрятной дамой вечно навеселе. Однажды она застала его в душе, дома никого не было, а у нее был ключ от их квартиры, потому что она помогала вечно занятой матери по хозяйству. И весь этот тягостный и по сути ненужный тебе багаж, набитый раздражающей информацией, ты должна была тащить по жизни, как чемодан без ручки! Который и тяжело нести, и бросить жалко. Потому что взяла себе за труд его любить, голубоглазого болтуна, навязавшего тебе в родню всю эту свору неприятных и незнакомых доселе людей. А в конце жизни, когда родственники почти все умерли, а друзья давно зажили своей отдельной жизнью и наконец-то оставили вас в покое, как ни старалась, не смогла полюбить его внебрачных детей, которые как из под земли выросли, стоило ему скоропостижно скончаться. Чемодан без ручки и так уже был перегружен, и ты выронила его из рук. Но сама на ногах устояла. А любовь, длиною в целую жизнь, была безрадостная, но настоящая. По крайней мере с твоей стороны.

Сибирские пельмени

А вот взять да и получить удовольствие от жизни! Но она всегда стеснялась любой удачи. словно займы брала ее по бедности. И при этом оглядывалась — не надо ли кому кусок повкуснее отрезать. Сегодня после внезапной бурной зимней грозы, под которую неожиданно попала по дороге домой из центра Лондона в свой пригород в Орпингтоне, захотелось ей согреться сердцем от хорошей еды. Прожарила она в тостере кусочек черного рижского хлеба с тмином, слегка смазала его майонезом и

уложила горкой золотистые тушки, опять же рижских, шпротов. Открыла бутылочку молодого литовского белого пива. И начала радоваться. Радовалась еще и тому, что недавно по дороге со станции оверграунда открылся небольшой польский Sklep с продуктами, знакомыми ей с детства. Так и было написано на пластмассовом ведерке: огурцы квашенные бочковые. На русском! Порадовалась. И налила себе рассольник на индюшачьем бульоне. Гроза за окном утихла. Снега здесь и зимой не бывает. А вода быстро сливается в водостоки. И все равно кот вернулся домой мокрый. Скоро должен был вернуться и муж. В джипе крыша не протекает. Сухой придет. И все же она приготовила ему джин с тоником и бросила туда кусок льда.

Но время шло. Уже давно и второй кусочек льда растаял в стакане с джином, а Стивен не только не вернулся домой в свое обычное время, но и не позвонил.

Вот и вся радость, — подумала она, — ведь всё хорошее всегда наказуемо словно бы для равновесия с чем-то неизбежно плохим. Телефон потерял или украли, — утешала она себя. Машину опять не там припарковал, забрали на штрафную стоянку. Поехал на такси выручать, а это не ближний свет, у черта на куличках. А без телефонного пинкода не смог, наверное, оплатить. Такое уже было. Так что паниковать не было смысла. И звонок в дверь подтвердил это. Значит, не просто телефон, а портмоне украли, с карточками и ключами. Опять замки придется менять, подумала она, открывая дверь и еще не зная, что ее там ждёт.

«Извини, задержался. Пандемия помешала вовремя вылететь. Но я помню, что я тебе обещал тогда, в Новосибирске, когда ты сбежала от меня. Ну, теперь ты довольна? — сказал стоящий на пороге ее бывший русский муж. — Ты же хотела этого, правда? Я все сделал. Его никогда не найдут. Он больше нам не помешает. Ставь кипятиться воду. Наверняка у тебя в морозилке найдутся наши пельмени, которые твой Стив называл "белой гадостью". Я проголодался как зверь!»

Подворье

А этот маленький лучше всех танцевал, выше всех подпрыгивал, громче всех топотал подковками на сапожках. Его за этот бурный и неуправляемый темперамент и держали в казачьем ансамбле, где почти все танцоры были статные и высокие парубки. Да и девушки-хористки были ростом не с вершок. Казалось бы, *что* маленькому тут светит? Может, он зря тут волчком на сцене вертится, ходуном ходит? Да и в гопаке казачком дольше и быстрее всех в присядку по сцене носится. Как невесомый!

А на авансцену, на поклонны после концерта, его не выпускали. Слишком разительным был контраст. Не хотели публику смешить. Типа: Пат и Паташон или Тарапунька и Штепсель, если кто помнит таких.

Обид за это он ни на кого не держал. Легкий был не только телом, но и нравом. И неожиданно для всех женился на первой красавице ансамбля певице Насте, почти на голову выше его. И что? Дети у них уродились один краше другого и быстро пошли в рост. Отца догнать не проблема, но сыновья, числом три, и мать переросли. Двое из них танцевали, а один запел. Танцоры рано выходят если не на пенсию, то в тираж. И ударило в голову нашему маленькому уехать жить на родину, в Терскую станицу. Там его брат старший жил, справлялся с огромным хозяйством, оставшимся от отца. Дети у них с Настей были уже взрослые, устроены неплохо — поют, танцуют. Родители им не нужны. А Настя его на беду все еще пела, хоть все реже солировала. И ни в какую. Поехал один. Да и сгинул.

Маленький, ловкий, легкий, как перо, он радостно летал по родному подворью, как по сцене, и не мог наглядеться на родню, не замечая, что брат с женой и сыны их, погодки смотрят на него без родственной приязни, как на чужого. И вот в первый же вечер после казацкого сытного и пьяного застолья наш танцор сказал брату, что приехал не в гости, а хочет вступить в права наследства, ведь отец умер не так давно, еще можно документы подать и получить то, что по праву обоим братьям и полагается. Спать пошел в овин, соскучился по запаху свежего сена, надоело сценическую пыль глотать! Зарылся с головой в стожок. Да и не проснулся. Говорили, что много выпил. Износился, дескать, когда по сцене носился, как скажённый. Да и не пил ведь никогда. А тут у брата самогонка своя, чистая, как слеза, туговая. Вот оно и стряслось. Летал, летал летун и приземлился. Повезло, что на родине, а не на гастролях в какой-нибудь Праге. Вот и ляжет теперь рядом с отцом. И подворье делить не придется.

Голос

Наслаждайся моментом. Завтра может всё измениться. И даже зная это правило обыденной жизни, она не могла себя уговорить жить в свое удовольствие. Зато всегда доставляла удовольствие другим. Своим мужьям и любовникам — с отягчающими последствиями в виде аборт и выкидышей. Зрителям — своим голосом с неповторимым тембром. Родителям — своей известностью и подарками, привезенными с гастролей из разных стран. Сестре — деньгами то на машину, то на дачу под Выборгом. А себе — только опустошающую усталость после спектаклей в лучших оперных театрах мира. «Знаешь, — сказала она однажды сестре, всю жизнь проработавшей в паспортном столе, — ты мне не завидуй. Ведь я пою не голосом, а всем телом. Когда высокую ноту беру, чувствую, как матка наизнанку выворачивается! Такой голос — это наказание, а не подарок. Мучение, а не удовольствие. Но я обречена петь. Голос разрывает меня изнутри, когда не пою. Это он мною владеет, а не я им обладаю». Трудно поверить, но она с молодости ни разу не была на курорте. Не любила солнце и море, не умела плавать. Любила северные леса и грибную охоту, но давно жила в Европе, где всего этого не было. Знала ли она, что несчастна? Нет, конечно же. Понимала ли, что каторжанка, несущая на теле тяжелый сценический костюм, а на лице душную маску из грима? Ой, вряд ли. Вот сейчас она уснула в самолете по пути в Австралию на оперный фестиваль. И приснилось ей, что голос вылетел из нее голубым комочком и воспарил легким облачком над спящими пассажирами. А потом словно бы полетел впереди самолета да и растворился в небе. Внутри у нее стало как-то пусто и легко. Она даже рассмеялась во сне от радости.

Уже в гостинице она поняла, что это был не сон. Голос к ней не вернулся. А действительно улетел, исчез, испарился. Спектакль с ее участием перенесли. В клинике предложили операцию: на связках нашли узелки. А она поняла, что свободна. И может теперь, пока она тут, в Австралии, слетать на коралловые рифы. С детства мечтала. Там, говорят, есть такие коралловые отмели, где можно ходить по колену в воде, и волшебные рыбки сказочной красоты будут щекотать тебе кожу. Она теперь сможет наслаждаться! И наконец-то отдохнет. Потому что голос просто гостил в ее теле. А теперь освободил ее для жизни. А вот просто так — жить — она, как оказалось, не умела. И научить было некому. Не антерпренеру же, жадному греку, гравившему ее на записях и на контрактах с фирмой Sony.

И тут в дверь гостиничного номера постучали, и поставили к ее ногам корзину с цветами и запиской. Пётр! Да, Пётр. Ах, нет, Павел! Опять прилетел на ее спектакль из Сибири! Он повсюду за ней летал уже много лет. Нефтяные деньги позволяли. Он любил ее голос. А вот полюбит ли ее без этого голубого облака внутри...

И она написала ему в Wathsap. И назначила встречу на Больших коралловых рифах.

Сидите дома

Они очень любили ездить, летать, путешествовать. Как лето, так муж в тайгу на охоту-рыбалку. Как зима — так она на Гоа.

Это будет короткая повесть. Они очень любили друг друга. И умерли в один день. Потому что муж в тайге подхватил однажды именно того самого — опасного — клеща, одного из миллионов. А к ней, блаженно балдеющей на океанском берегу, однажды внедрился под кожу неведомый насекомый зверь. И стал отравлять сначала организм, а потом и саму жизнь. Сколько ни рыли ей кожу врачи невидимыми лучами — не находили, отчего она слабеет. Кожа отслаивалась и свисала клочьями. И муж ничем не мог помочь, потому что лежал в энцефалитном параличе.

После их смерти взрослые дети решили их кремировать, чтобы избавить дом от заразы.

Но даже в небо они вознеслись вдвоем. Их дымы слились воедино.